

Возраст, до которого я «омолодился», был довольно неоднозначным — 13 лет. На третьем курсе события будут вращаться вокруг Сириуса Блэка. Может, мне просто поступать во всем наперекор Драко Малфойю? Я очень на это надеялся. Вмешиваться во что-то большее было просто муторно. От одной мысли, что я не смогу выбраться отсюда, кровь закипала в жилах.

Честно говоря, даже после того, как я решился на разрушение канона, ничего особо не изменилось. Я просто перестал задирать маглорожденных и проходил мимо Гарри Поттера, игнорируя его. На самом деле, мне, которому раньше приходилось тщательно просчитывать каждое издевательство, сейчас было на удивление комфортно.

— Драко, ты не болен?

Крэбб и Гойл уставились на меня, вращая глазами. В их взглядах сквозило неподдельное беспокойство, и, должно быть, из-за того, что они были только на третьем курсе, выглядели до смешного невинными. Может, дело было в их внешности, ещё не полностью избавившейся от детских черт. Пока я размышлял о своём, Крэбб преградил мне путь преувеличенно широким жестом.

— Ты в последнее время странный. Почему ты ведёшь себя, как просветлённый старик? Я уж было подумал, что в тебя вселился дух Дамблдора.

В ответ на язвительное замечание Крэбба, Гойл яростно закивал. Его голова моталась вверх-вниз так сильно, что, казалось, вот-вот отвалится. И это я получаю, даже когда ничего не делаю? Что я там делал в это время?..

Пародировал дементоров, притворялся больным после того, как меня укусил гиппогриф, использовал это, чтобы поиздеваться над компанией Поттера, распустил слухи о профессоре Люпине, превратив уроки Защиты от Тёмных искусств у Слизерина в бардак, и использовал Снейпа, чтобы помешать тренировкам Гриффиндора по квиддичу...

Воспоминания, туманно проносившиеся в голове, были бесчисленны, так что я вполне понимал реакцию Крэбба и Гойла. На самом деле, этот вопрос я слышал не только от них, но и от других слизеринцев раз пять, не меньше. Поскольку я не отвечал, лицо Крэбба слегка покраснело от смущения.

— ...Какой следующий урок?

— А, а! У-уход за магическими существами.

Я поднялся и первым направился к хижине Хагрида. Я чувствовал, как они оба следуют за мной. Я не мог отличить их теперешних, «помолодевших», от тех, какими они были на седьмом курсе. Каждый раз, видя знакомое лицо, я вспоминал седьмой курс, так что неудивительно, что моё отношение к окружающим немного изменилось.

Урок Хагрида ничем не отличался от того, что был в «прошлой жизни». Его манера ведения урока, когда он говорил сам с собой, а отвечали ему только гриффиндорцы, была знаменита во всём Хогвартсе. Как и его странный талант собирать для занятий только больных и опасных магических существ.

Я помнил, как, играя роль «Драко Малфоя», постоянно матерился и поносил его. Теперь же я с жалостью смотрел на Хагрида, покрасневшего от предвкушения. Его покрасневшее лицо накладывалось на образ измождённого и жалкого Хагрида из будущего. А вдобавок — на его будущее в качестве главного героя профессорских сплетен.

— Итак, первое, что нужно сделать, — это открыть книги.

Что бы там ни говорил Хагрид, слизеринцы в основном пропускали его слова мимо ушей. Отовсюду слышались смешки, тихое шушуканье и чувствовались презрительные взгляды. Один слизеринец, хихикая, поднял руку. От этого донельзя нелепого жеста Паркинсон не сдержалась и фыркнула.

— А как их открыть? Тут хоть кто-нибудь смог открыть книгу?

Канон прекрасно развивался и без моего участия. Хотя упаковывать презрение слизеринцев к полувеликану в слова «канон прекрасно развивается» было немного неловко. Я уже открыл рот, чтобы высказаться по поводу переходящего все границы поведения слизеринца, но Хагрид меня опередил.

— Э-э... Никто не смог открыть книгу?

Хагрид обеспокоенно огляделся, его брови поникли. Гриффиндорцы переглядывались, а слизеринцы были заняты тем, что отпускали язвительные шёпотки. Внезапно воцарилась такая тишина, словно на всех наложили заклятие немоты, и Хагрид упавшим голосом продолжил:

— Эту книгу нужно погладить. Вот так.

— «Погладить», ха.

— Реально смешно.

Теперь они выкрикивали это в открытую, будто специально, чтобы он услышал. Смех слизеринцев разливался фоновым шумом. Даже некоторые гриффиндорцы усмехнулись. Похоже, обоим факультетам этот урок был не по душе. Это был один из тех редких дней, когда Гриффиндор и Слизерин думали об одном и том же. Конечно, я бы восхитился, если бы этот день не был днём, когда они полностью забыли о вежливости к профессору.

— Простите, но я не собираюсь гладить эту зубастую книгу!

— Заткнись, Крэбб.

Я со странным чувством уставился на нахмуренного Поттера. Подумать только, из его рта вылетело чьё-то имя, кроме моего. Чаще всего я слышал от Гарри Поттера «Заткнись, Малфой». Это была настолько непривычная сцена, что я одарил язвящего Крэбба ледяным взглядом. Неужели Поттер видел меня таким же?

— Эм... ладно, к-книги у вас есть, значит, нужны магические существа. Я их приведу. Минуточку...

Хагрид, понуриив плечи, вошёл в лес. Слово исчезновения профессора послужило сигналом, дети тут же принялись перешёптываться. К несчастью, отзывы об уроке Хагрида были в основном негативными. Паркинсон прилипла ко мне и фыркнула:

— Поттер выругался, а ему даже баллы не сняли. Этот профессор тоже благоволит только Гриффиндору, да?

«Если уж на то пошло, то и другим слизеринцам нужно было бы снять баллы», — мысленно возразил я, снимая напряжение в теле. У Драко Малфоя была на удивление большая роль, и, чтобы следовать канону, мне приходилось каждый день задирать Поттера. Честно говоря, у меня и сейчас в голове роились весьма креативные оскорбления в адрес Поттера.

— А что это за книга? Это шутка? Нам придётся это читать и сдавать по этому экзамен? Ужасно.

— Подумать только, такой идиот стал профессором. Дамблдор, похоже, окончательно спятил.

— Дамблдор всегда был сумасшедшим.

— Это да, но всё же.

Слухи долетали до моих ушей со всех сторон. Слушая сплетни, которые мне были совершенно не интересны, я задумался о проблеме прав человека для профессоров. Я бы и сам не захотел вести урок, выслушивая такое.

Поттер, нахмурившись, открыл рот, готовый вот-вот взорваться. Я было поднял палочку, чтобы заткнуть уши, но Крэбб схватил меня за руку раньше.

— Правда, Драко?

Внезапно все взгляды устремились на меня. Притворяясь, что им всё равно, они то и дело косились в мою сторону, и это напрягало. Я не понимал, почему они так пялятся на меня

только из-за того, что я изменил своё поведение. Уж не потому ли, что Хогвартс — это обитель слухов и сплетен? Крэбб, покрасневшись, смотрел на меня сияющими глазами, ожидая ответа. Гойл вытянул свою толстую шею.

— ...Вам бы поменьше профессора поносить.

«Это нарушение прав человека». Вот что я хотел сказать слизеринцам на протяжении семи лет.

Тук.

Лонгботтом уронил книгу, которую держал в руках. Уизли тупо разинул рот. Глаза Крэбба чуть не вылезли из орбит. Реакция у всех была настолько разной, что я, почувствовав странное облегчение, отвернулся от них.

— У-у-у!

Тишину, ставшую ещё более гнетущей, чем во время урока Хагрида, нарушил чей-то полный ужаса вопль. Я увидел стаю гиппогрифов, издающих пронзительные крики, и схватился за палочку. Это было инстинктивное чувство опасности. Хагрид, не обращая внимания на то, что остальные в ужасе, вёл гиппогрифов, что-то напевая себе под нос. Один ребёнок закричал, несколько попятились назад. Лонгботтом был на грани слёз.

Гиппогрифы... Внешне они мне точно не понравились. Может, потому, что один из них укусил меня за руку. При одном взгляде на гиппогрифа я вспомнил эти сверкающие когти. Яростно бьющийся гиппогриф со странной внешностью почему-то внушал больше страха, чем дракон.

К тому же, здешние животные меня тоже недолюбливали. Погодите, разве это не опасно?

Один гиппогриф, сверкнув глазами, впился в меня взглядом. Тот, что был рядом, фыркнул, ударив копытом, а другой попытался рвануть в мою сторону, но его удержали предохранительные путы. Некоторые издавали жуткие визги, другие сверлили меня выпученными глазами.

— Это гиппогрифы! Правда, красавцы?

Услышав этот возбуждённый голос, не внушавший ни капли доверия, я без колебаний поднял руку. Всё, мне уже плевать. Буду делать, что хочу. Честно говоря, не было никакой нужды слушать этот урок, используя защитные заклинания, так что и раздумывать было не о чем. Да и желания раскланиваться с этим устрашающим гиппогрифом у меня не было.

— Малфой, что случилось?

— Я не очень хорошо себя чувствую. Можно мне пойти в больничное крыло, профессор?

— Ты в порядке? Выглядишь и правда неважно.

Остатки совести кольнули меня.

— Терпимо, — добавил я едва слышным голосом.

Хагрид обеспокоенно осмотрел меня. К несчастью, всё моё внимание было приковано к гиппогрифам, так что я не мог успокоить Хагрида. Отсюда их мощные когти были прекрасно видны.

— Понял. Малфой, иди в больничное крыло.

— Спасибо.

Я коротко кивнул и без малейшего сожаления развернулся. Я проигнорировал почти все обращённые на меня взгляды. Мне хотелось лишь одного — убраться отсюда.

Возможно, это было ошибкой — то, что я так торопился уйти и не почувствовал холодок за спиной, или не заметил, как притихшие дети вдруг резко зашумели.

— Клювокрыл! Нельзя!

— Драко, берегись!

Отчаянные крики пронзили воздух. Я склонил голову и медленно обернулся. То ли из-за гулко топота, то ли из-за убийственного взгляда, тело рефлекторно застыло. Испуганные голоса звучали до смешного медленно. Я тупо уставился на гиппогрифа, не успевая даже вытащить палочку. В голове почему-то всплыла неуместная фраза.

«Никогда не поворачивайтесь к дикому зверю спиной».

А, чтоб тебя. О таких вещах надо вспоминать до того, как повернулся. Почему именно сейчас?